

разказалъ ему выдуманную исторію о дурнотѣ и пригласилъ Полянскаго въ домъ пить чай. За чаемъ шли самые обыкновенные разговоры — о посѣвахъ, объ урожаяхъ, о социалистахъ и о Бисмаркѣ, который тревожилъ умы даже мирныхъ обитателей Тюрмы. Володя былъ оживленъ и остроуменъ болѣе обыкновеннаго, только передъ отъѣздомъ вышелъ съ отцомъ въ другую комнату и долго о чемъ-то бесѣдовалъ...

Когда Володя съ Львомъ Егорычемъ уѣхали, Антонъ Кирилычъ нахмуренный вышелъ изъ своего кабинета.

— Гдѣ Ленка?—свирѣпо обратился онъ къ Ольгѣ Ивановнѣ.

Ольга Ивановна съ испугомъ посмотрѣла на мужа.

— Я не знаю... въ своей комнатѣ, должно быть..., — робко отвѣчала она.

— Позови ее ко мнѣ!...—приказалъ грозно старшій управитель, и заходилъ по комнатѣ.—Я ей покажу, какъ скандалы устроить! Да еще гдѣ? Въ церкви, въ Божьемъ храмѣ! Ахъ ты! гадина... Ахъ ты... мерзавка эдакая!.. Я изъ тебя эти идеи вышибу! Я вамъ съ дяденькой-то пропишу социализмъ... Вонъ! Обоихъ вонъ!

Въ это время Ольга Ивановна металась по всему дому, разыскивая дочь. Ея нигдѣ не было. Ольга Ивановна не знала, что дѣлать, и готова была сама запрятаться въ самый дальній уголокъ отъ разгнѣваннаго главы семейства.

— Лена, Лена! — безпомощно взывала она, заглядывая во все углы.

— Да гдѣ же она?—кричалъ Антонъ Кирилычъ, шагая по залу.—Гдѣ она у тебя сплется? Распустила весь домъ, старая чертовка!.. Выпороть васъ всѣхъ!

Весь домъ притихъ, подавленный этими грозными возгласами. Въ кухнѣ, подъ сараями, на дворѣ, воцарилась тишина; все ходили на цыпочкахъ и старались говорить шопотомъ.

Наконецъ Лена явилась, блѣдная и печальная. Она была у Демида и все еще находилась подъ впечатлѣніемъ его кроткихъ поученій. Ольга Ивановна встрѣтила ее на порогѣ и замахала на нее руками.

— И гдѣ это ты ходишь? Ступай, тебя отецъ зоветъ!—зашептала она. — Чтò это ты еще надблала? Весь домъ изъ-за тебя подняли...

— Отецъ зоветъ? — машинально повторила Лена.—Зачѣмъ?

— Поди, поди, я развѣ знаю, зачѣмъ? Ступай скорѣе! Слышишь?